ДОМ 302А НА БОЛЬШОЙ САДОВОЙ

Надо сказать, что квартира эта — № 50 —
давно уже пользовалась если не плохой,
то, во всяком случае, странной репутацией.
М. Булгаков. Мастер и Маргарита

Когда в начале осени, после двух лет стройки, были наконец сняты строительные леса и пленка, оказалось, что новое шестиэтажное здание, возведенное на Большой Садовой между домами 302 и 304, словно сошло с фотографий полуторавековой давности. Выполненное в стиле классического модерна, оно не очень вписывалось в ряд окружающих его домов, и в то же время почему-то казалось, что здание словно всегда здесь стояло.

На самом деле, шестиэтажный дом и впрямь находился ровно там, где ему полагалось быть, ведь именно на этом самом месте в 1903 году было построено точно такое же здание. Правда, всего каких-то тридцать лет спустя дом N302-бис сгорел в страшном пожаре. С тех пор прошел почти век, и все это время пустырь и пепелище простояли нетронутые, что было совершенно удивительным, ведь любой освободившийся на Большой Садовой клочок земли немедленно выкупался, и на нем тут же что-нибудь строили. А солидной площади пустырь, где уместился бы не то что компактный домик, а даже скромных размеров торговый центр, долгие десятилетия пустовал.

Возможно, все дело было в нехорошей славе, которой пользовался пустырь, а еще прежде него — сгоревшее здание. Ходили слухи, что в некоторых квартирах того дома творились необъяснимые происшествия — бесследно исчезали люди, жильцы сходили с ума. Говорили даже, будто однажды там побывал сам сатана со своей свитой и устроил изрядный переполох.

Когда дом 302-бис на Большой Садовой сгорел, странные вещи продолжали твориться уже на пустыре. В ночи весеннего полнолуния из-под обгоревших развалин доносились то подозрительные стуки, то оркестровая музыка, а в руинах мелькали огни и темные силуэты. В остальное же время ночами на пустыре орала обитавшая там стая бродячих кошек; редкие свидетели болтали, будто видели ее предводителя — черного кота совершенно исполинских размеров.

И, разумеется, на пустыре по-прежнему пропадали люди.

Надо сказать, чаще всего пропадали обитающие вместе с кошачьей стаей бомжи, и, вероятно, виноват в их исчезновении был не столько про́клятый пустырь,

сколько их собственная нелегкая бомжиная доля. Сегодня бомж есть, завтра его нет, и остается только гадать, нашел ли он себе новый подвал или же вечный покой.

Однако если пропажу бомжей еще можно списать на их бомжиную долю, то пропажу на пустыре ухоженной рыжей колли по кличке Дамка, собаки владелицы маникюрного салона Эвелины Георгиевны из дома напротив, на бомжиную долю уже не спишешь.

Впрочем, упитанную Дамку вполне могли съесть голодные бомжи.

А вот нищего инженера Костровского из дома 304 они съесть никак не могли. Молва утверждала, что однажды весенней ночью Костровский, как обычно, выносил объедки для обитателей пустыря, кошек и бомжей, как вдруг рядом остановился длинный лимузин. Строгий водитель во фраке распахнул дверцу, Костровский нырнул в недра роскошного авто — и больше его никто не видел. После, правда, говорили, будто он просто получил наследство от дальней родственницы то ли из Австрии, то ли из Австралии и уехал вступать в права наследования.

Точно так же пропала однажды и госпожа Елисеева-Випцацуева из дома 302, владелица небольшой отделочной фирмы и большого количества работающих в ней гастарбайтеров; за ней тоже приехало роскошное авто, правда, уже не лимузин, а джип с большим багажником и затонированными стеклами и шофером, но не во фраке, а в кожаной куртке.

Блогера-оппозиционера Павла Самородского и вовсе не увозили; однажды он, вместе с ноутбуком и своим оппозиционным мнением, ушел к терминалу положить денег за Интернет — и не вернулся.

Наконец, были и таинственные суициды. За последние годы таких случилось целых два. Оба самоубийцы, одинокая пенсионерка Покровская и бездетный ветеран Великой Отечественной войны Кузьмич, жили в квартирах, окна которых выходили на пустырь. Оба выбросились из окон на этот самый пустырь по причинам, никому не известным, а следовательно, в глазах соседей — и вовсе без причин.

В опустевшие квартиры пенсионерки и ветерана практически на следующий же день вселились владелец автомойки Денис Дмитриевич Додыров и хозяин сети фруктовых лотков Давид Гусейнович Мурсалиев с семьями, и плохая слава пустыря, на который выходят окна квартир, их не остановила. Очевидно, перспектива жить в просторных апартаментах на Большой Садовой перевешивала любые опасения. А может, они просто не верили в чертовщину.

***

Новому зданию, расположившемуся между домами 302 и 304, присвоили было номер 302-бис, но муниципалитет решил, что «бис» — это слишком по-иностранному, и дом номер 302-бис стал домом номер 302а. И к центру продаж, открытому на первом этаже, потянулась очередь желающих приобрести квартиру на Большой Садовой.

Удивительное дело, но отбором покупателей занимался лично владелец строительной фирмы Андрей Семенович Понырев. Зачем он это делал, совершенно непонятно, ведь всякому ясно — главное, чтобы у клиента была требуемая для покупки квартиры сумма.

И все же Андрей Семенович лично изучал информацию на каждого потенциального покупателя и из нескольких претендентов — а таковых на апартаменты на Большой Садовой было немало — лично выбирал кого-то по одному ему ведомым критериям.

Так пентхаус на шестом этаже он продал безработной мадам Коврижкиной. Мадам Коврижкина щеголяла в туфельках «Прада», ездила на «Майбахе» и регу-

лярно принимала у себя в гостях господина Вытребского. Господин Вытребский, обладатель изрядного живота, нелюбимой супруги, двух взрослых детей и алюминиевого завода, наведывался к мадам Коврижкиной исключительно во время обеденного перерыва и лишь иногда заезжал на выходные.

Трехкомнатную квартиру на четвертом этаже господин Понырев продал рядовому налоговому инспектору Артуру Бычко вместе с двумя парковочными местами в подземном гараже под домом. Для «Порша», на котором инспектор ездил летом, и «Хаммера», на котором он ездил зимой.

Обладателями более скромных двухкомнатных квартир стали гладкие, всегда при галстуках менеджеры среднего звена, научившиеся умело жить, перекладывая ненужные бумажки из папки в папку и задолженности с одной кредитки на другую.

Однокомнатную квартиру на первом этаже Понырев продал перебравшемуся в столицу из бывших южных республик Хусану. Тот прошел долгий путь от дворника до хозяина небольшой клининг-компании и теперь помогал землякам, приехавшим в Москву, устраивая их к себе на работу и давая жилье. В купленную квартиру он поселил сразу двенадцать своих соотечественников; поскольку работали они посменно, кто-то днем, а кто-то ночью, он рассудил, что одной комнаты на всех им вполне хватит. Благодарные ставшему большим человеком Хусан-джану, земляки не жаловались.

Другую однокомнатную квартиру едва не за бесценок Андрей Семенович зачем-то отдал матери-одиночке, растившей двух своих и тридцать чужих детей. Учительница начальных классов долго не могла поверить своему счастью.

Среди отобранных Поныревым покупателей были еще мелкий депутат с криминальным прошлым, сын сибирского нефтяника, прогуливавший лекции в МГУ, начинающие певички, живущие подачками продюсеров, директора и руководители различных компаний, фрилансеры, айтишники и даже один заводской мастер, рискнувший ввязаться в ипотеку.

А вот шестикомнатную квартиру на пятом этаже за номером пятьдесят Андрей Семенович не продал, несмотря на несколько весьма заманчивых предложений. В квартире номер пятьдесят он поселился сам.

Поныреву по паспорту было чуть меньше сорока, по виду — чуть больше тридцати; в его портфолио были десятки успешных коммерческих строительных проектов, в бумажнике — кредитки всех мыслимых видов, а в банке — не просто круглый, а прямо-таки сферический счет. Однако, несмотря на такие выдающиеся достоинства, Андрей Семенович жил один, без семьи, без любовницы, и это не могло не будоражить любопытства соседей, особенно начинающих певичек.

Андрей Семенович вряд ли догадывался о том, сколько жгуче одолевающее соседей любопытство, иначе бы ни за что не дал в газету то объявление.

Объявление гласило: «Сдается комната в шестикомнатной квартире на Большой Садовой. Три тысячи рублей в месяц. Требования к съемщику — коренная москвичка по имени Маргарита».

Это объявление окончательно озадачило соседей. Зачем состоятельному Поныреву сдавать комнату в квартире, в которой он сам живет? Явно не ради денег! Да и запрашиваемые три тысячи — это не деньги. Может, он ищет домработницу с проживанием? Но тогда он так и написал бы в объявлении. Наконец, что это за странные требования — коренная москвичка по имени Маргарита?

Казалось бы, в свете всех этих, честно скажем, необычных, даже подозрительных обстоятельств желающих получить комнату должно было не остаться вовсе! Однако не следует недооценивать привлекательность перспективы жить на Большой Садовой и особенно — под одной крышей с преуспевающим владельцем строительной компании. От коренных москвичек Маргарит не было отбоя.

Как и будущим владельцам других квартир, Понырев устроил тщательный смотр и всем откликнувшимся на объявление Маргаритам. Он безжалостно отсеивал слишком юных девушек и дам бальзаковского возраста, он тут же отказывал блондинкам, шатенкам и рыжим, щадя только брюнеток. У оставшихся Маргарит он изучал генеалогическое древо с дотошностью заядлого родослова — и снова отказывал одной за другой.

Разочарованию Маргарит не было предела.

Вряд ли они догадывались, что куда больше разочарован сам Андрей Семенович.

— Не та, снова не та! — с досадой бормотал он себе под нос, выбрасывая в мусорку анкеты отвергнутых Маргарит.

Все в корне изменилось, когда очередная кандидатка, прошедшая сито первичного обзора, явилась на личное собеседование с Поныревым и, уверенно усевшись за стол перед ним, начала с неожиданного вопроса:

— Вы думаете, он снова сюда вернется?

Андрей Семенович, как раз дочитывавший анкету этой Маргариты, удивленно моргнул и уставился на собеседницу.

— Кто — он?

— Мессир, — спокойно ответила Маргарита.

Удержать невозмутимое выражение лица Андрею было непросто. Найти подходящий ответ — и того сложнее, потому Понырев лишь изогнул бровь.

Маргарита нетерпеливо побарабанила пальцами по краю стола.

— Совершенно очевидно, что вы подготовили все, что могли. Вы восстановили дом, в котором он когда-то побывал, и восстановили в точности, до мельчайших деталей. Вы населили дом самой разношерстной компанией — этакий срез современного общества — ведь он всегда интересовался людьми. Наконец, вы ищете Маргариту, которая могла бы подойти на роль королевы его бала.

Андрей нахмурился, разглядывая сидящую перед ним женщину. Дорогой черный плащ, желтая сумочка и такого же тревожного цвета газовый шарф на шее, стильно уложенные темные волосы и ухоженные руки. Несколько мгновений назад он как раз недоумевал, читая ее анкету: Сокольская Маргарита Леонидовна, финансовой директор крупной сети магазинов. Зачем молодой преуспевающей женщине снимать комнату в квартире?

Теперь же, кажется, все вставало на свои места. Она тоже хотела встретиться с Мессиром.

— Не знаю, вернется ли он сюда, но очень на это надеюсь, — честно признался Понырев. — Все-таки бал у него ежегодный, а Москва уже совсем не та, что была тогда, в последний его визит — почему бы ему не посетить ее снова? А я, в свою очередь, пытаюсь сделать все, что могу, чтобы… чтобы…

— Приманить его? — с улыбкой закончила Маргарита.

Андрей невольно улыбнулся в ответ.

— Приманить — это, конечно, слишком. Но, может, хотя бы обратить на себя его внимание. Предоставить ему все условия для его бала. И если его все устроит…

— Вы же наверняка знаете, — перебила Маргарита, — что Мессир не особенно жалует просителей.

— Знаю, — Андрей стиснул зубы, и на скулах заиграли желваки. — И я не стану просить. Но мне больше ничего не остается — только надеяться, что он сам предложит и сам все даст.

Маргарита кивнула. Она надеялась на то же.

— Мне сразу к вам переселяться? До мая еще полгода...

Андрей медлил.

— Что, по-вашему, я недостаточно хороша? — надменно вскинула брови Маргарита. — Я — коренная москвичка, я брюнетка, мне тридцать один, я прекрасно выгляжу, и если достаточно глубоко покопаться в моей родословной, то можно найти дворянскую кровь. И я точно знаю, чего хочу. Думаете, я не подхожу?

Андрей еще раз оглядел сидящую перед ним привлекательную женщину с уверенным взглядом темно-зеленых глаз и едва заметной сетью морщинок в уголках.

— Решать, подходите ли вы на королеву бала, не мне, — сказал наконец он. — Но тем не менее я приглашаю вас остаться.

Маргарита вынула из тревожной желтой сумочки купюры.

— Три тысячи, — сказала она, протягивая деньги.

Андрей покачал головой, но деньги взял. Все должно быть по правилам.

***

Закончилась осень, быстро промелькнула зима, наполненная ожиданием и предвкушением. Ощутив первые запахи марта, во дворе по ночам принялись вопить коты. Кто-то болтал, будто снова видел их предводителя, черного кота совершенно исполинских размеров. Еще жильцы стали замечать томящиеся на лестничных площадках темные фигуры, будто кого-то поджидавшие. Они оглядывались, беспокойно дергались — и исчезали, стоило только к ним приблизиться.

Двадцать первого апреля из дома пропал мелкий депутат с криминальным прошлым. Возможно, его просто настигло его криминальное прошлое, но соседи немедленно решили, что в доме, построенном на про́клятом пустыре, снова проснулась чертовщина. Понырев тоже хотел в это верить, потому что тогда пропажу депутата можно было бы счесть за благоприятный знак.

Примерно в то же время Андрей и Маргарита потеряли сон и покой. Они бродили по шести комнатам, как неприкаянные, надеясь, что к ним вот-вот явится кто-то из свиты Мессира и потребует квартиру для проведения бала.

Ожидание угнетало...

В ночь майского полнолуния Андрей с Маргаритой с горя напились на кухне.

— А ведь в этот самый момент в доме какого-то счастливчика он сейчас проводит бал, — с пьяной злостью бормотал Андрей. — Но почему не у нас? Почему?

— Может, на следующий год, — с тоской отвечала Маргарита, печально глядя в окно сквозь стенки пузатого бокала с остатками коньяка на дне. — Это же не последнее майское полнолуние.

— Не последнее, — грустно соглашался Андрей. Его не особенно утешала мысль, что придется снова ждать целый год — и снова надеяться. Он никогда не думал, что надежда может так выматывать.

— А ты никогда не пробовал просить того, Другого? — вдруг спросила Маргарита, указывая глазами в потолок.

Андрей задрал голову наверх, посмотрел на лепные украшения и люстру.

— Нет, — ответил он наконец, переведя взгляд на свою сообщницу по интриге и подругу по несчастью. — Я почему-то больше верю в него. Мне кажется, что у меня больше шансов встретить Мессира, чем того, Другого.

Алкоголь и разочарование, смешавшись, взорвались неожиданным вопросом. Вопросом, который негласно между ними всегда был табу. Вопросом, который Андрей никогда не хотел бы слышать заданным ему самому.

— Что ты надеешься от него получить?

Маргарита вздрогнула.

— Извини, — тут же пробормотал Андрей и плеснул себе коньяка.

Еще долго они сидели в тишине на кухне, глуша боль алкоголем и слушая, как бешено орут за окном коты.

— Когда-то по молодости я совершила глупость, — вдруг тихо заговорила Маргарита. — Врачи сказали, что у меня никогда не будет детей...

Темные, пьяные глаза требовательно уставились на Андрея.

И он не смог не ответить.

— Девять лет назад мою жену и дочку сбил пьяный водитель. Я... я хочу к ним...

Андрей замолчал. Разве могли слова передать ту пронзительную тоску и зияющую пустоту, с которой он жил последние годы?

Маргарита долго смотрела на Понырева, а потом вдруг поднялась и пересела к нему, одной рукой приобняла его за плечи, утешая, а другой чокнулась своим бокалом с его.

Слова были не нужны.

***

Утром Андрей и Маргарита проснулись в одной постели.

Списав все на коньяк и разочарование, они разошлись по своим комнатам, пообещав друг другу, что больше подобное не повторится.

Но оно повторилось.

И не раз.

В следующий апрель из однокомнатной квартиры дома 302а пропал один из многочисленных земляков и работников Хусан-джана. Впрочем, его пропажу, честно говоря, никто не заметил, даже сам Хусан.

Вскоре исчезла одна из начинающих певичек. Кто-то говорил, будто она уехала с концертом то ли в Ухту, то ли в Нарьян-Мар, но жильцы-старожилы, конечно, лучше знали — все дело в проклятии. Кроме того, в подъездах опять видели темные силуэты, томящиеся на лестничных площадках в ожидании кого-то, а из подвала доносились звуки бешеного кошачьего мява. В доме совершенно однозначно творилась чертовщина!

Ожидание второго майского полнолуния было совсем не похоже на первое; совсем не такие мысли и чувства одолевали Андрея в прошлом году. И когда наступила ночь полнолуния, а Мессир опять не выбрал квартиру № 50 для своего бала, Понырев испытал не горечь разочарования, а что-то, похожее на облегчение.

Той ночью он нашел расстроенную, мрачную Маргариту в компании бутылки коньяка на кухне.

— Может, следующей весной, — предложил он прошлогоднее утешение, присаживаясь за стол и наливая себе бокал.

***

К третьему майскому полнолунию из дома 302а пропал сын сибирского нефтяника. Возможно, ему просто очень надоел университет. Затем исчез регулярно навещающий безработную Коврижкину господин Вытребский. Возможно, ему надоела мадам Коврижкина. Вскоре после этого из подземного гаража исчез «Майбах» мадам Коврижкиной, а после — и она сама.

Во дворах снова орали коты, на лестничных площадках сновали темные тени, безуспешно ища кого-то, а жильцы снова судачили о начавшейся чертовщине и гадали, кто станет следующей жертвой.

Чем ближе было полнолуние, тем мрачнее становилась Маргарита. И Андрей не знал, как ему быть. Сам он уже некоторое время назад понял, что с тех пор, как он вселился в дом 302а на Большой Садовой, глодавшая его долгие годы тоска ослабла и как-то незаметно отступила, а пустота наконец-то заполнилась. И теперь он не так уж и сильно жаждал встретиться с Мессиром. Только как сказать об этом женщине, которая с каждым новым маем становилась все печальнее?

В канун полнолуния Андрей заранее заготовил бутылку коньяка.

Маргарита пришла поздно, ошеломленная и растерянная.

Андрей без слов протянул ей полный бокал.

Маргарита отставила его в сторону.

— Я была у врача, — сказала она. — Я жду ребенка...

***

Они не стали дожидаться следующего мая. Вот явится к ним в один прекрасный весенний день кто-нибудь из свиты Мессира — и что они станут делать? Желание Маргариты уже исполнилось, а желание Андрея перестало быть единственным условием, при котором его жизнь могла снова обрести смысл. Получается, не так уж им сильно и нужна стала теперь эта встреча. Ведь рядом с сатаной — как рядом с молнией; вспыхивает, конечно, ярко, но страху не оберешься. Когда терять нечего — можно и побояться, а когда есть...

Однако точная копия дома 302-бис на Большой Садовой по-прежнему оставалась тем местом, где творилась разная чертовщина и где когда-то давал бал Мессир. И однажды он мог захотеть сюда вернуться — не зря ведь Андрей так старательно восстановил здание и заселил его самым репрезентативным ассорти современного общества.

И, чтобы свести вероятность такой встречи к минимуму, Понырев выстроил им с Маргаритой новый дом за городом, а квартиру № 50 выставил на продажу.

Андрей Семенович и его бывшая квартирантка Маргарита съехали, и жильцы их больше не видели. Говорили, что у них родился мальчик и его назвали Иваном — в честь прадеда Понырева, известного профессора института истории и философии и, по совместительству, малоизвестного поэта.

Шестикомнатную квартиру вскоре купил Николай Никанорович Загребаев, ректор частного коммерческого университета, предлагающего прогрессивное образование нового образца — дистанционное, ускоренное; диплом психолога всего за год, диплом юриста — за два, диплом врача — за три, и все это — не отрываясь от компьютера. Слухи о творящейся чертовщине его не волновали. Главным образом потому, что он еще не успел их услышать до вселения.

К весне из дома 302а исчез еще один земляк Хусана, и снова его пропажа осталась незамеченной, а на его место поселился новый работник, приехавший в Москву в поисках лучшей доли и взятый под заботливое крыло Хусан-джана.

В начале апреля за одним из айтишников явился наряд полиции и забрал лохматого парня с собой. Больше того не видели.

В другой апрельский вечер пропал и рядовой налоговый инспектор Артур Бычко. Позже говорили, что его якобы видели на Кубе, что он купил в Гаване старинный дом и открыл в нем Каса Партикуляре для туристов. Говорили еще, что он оброс черной бородой, похудел и загорел, и вообще стал совсем не похож на себя, так что может и не Бычко это был вовсе, а сам Бычко все-таки сгинул, став жертвой творящейся в доме чертовщины.

А как-то ранним маем, примерно за неделю до полнолуния, к дому Андрея Понырева и Маргариты подъехало такси. Внутри сидел субъект в тесном клетчатом пиджачке, жокейской шапочке и с усиками, остренькими, как куриные перья. Он поглядел на задернутые прозрачными шторами окна, за которыми виднелись два силуэта, склонившиеся над детской кроваткой, весело прищурился и сказал водителю:

— А теперь на Большую Садовую, 302-бис… который 302а.

Через некоторое время клетчатый субъект уже стучал в дверь квартиры № 50. Он сунул под нос удивленному ректору красные корочки, при виде которых Загребаев мгновенно побледнел, сладко улыбнулся и задушевно проскрипел:

— Ну здравствуйте, Николай Никанорович!

Затем клетчатый протиснулся внутрь квартиры, легко отодвинув онемевшего ректора, уверенно прошел на кухню, достал из шкафа графинчик с водкой и две стопки, из холодильника — «Осетринку президентскую», высший сорт. Срок годности на упаковке был аккуратно замазан чьей-то заботливой рукой. Принюхался, чуть скривился, уселся за стол.

— Алмаз вы наш небесный, драгоценнейший господин ректор, что ж вы стоите, как неродной? Садитесь! Выпьем, закусим. Без церемоний, а? Нам много есть о чем поговорить…

ИКА-ИКА, БОРА-БОРА

Пепеко лежал под пальмой и ждал, когда упадет кокос.

Пальме Пепеко завидовали многие соплеменники — высокая, с широкими листьями, она не только давала хорошую тень, в которой можно было укрыться от жарящего солнца, но и щедрый урожай спелых и сладких кокосов, которые еще и сами падали на землю.

Как-то раз костлявый Кеони из зависти даже попытался разжечь всеобщее недовольство и лишить Пепеко права единолично лежать под этой пальмой.

Вождь племени Фелети, тучный мужчина с полосой татуировки, пересекающей лицо от уха до уха, не согласился.

— Пока ты, Кеони, носился от пальмы к пальме, стараясь угадать, какая из них даст больше плодов, дальновидный Пепеко изо дня в день лежал под одной и той же пальмой и ждал. Вот Кокосовый бог и наградил его за верность и терпение.

С заключением вождя Пепеко, разумеется, не спорил. Хотя на самом деле никакой верностью тут и не пахло — Пепеко было просто лень носиться по всему острову и сравнивать пальмы между собой. Он философски решил, что, где меньше, где больше, но кокосы родятся на любой пальме, а значит, он с равным успехом может лежать под этой и не тратить свои силы почем зря.

Порыв жаркого ветра налетел с океана, взъерошил пальмовые листья. Натренированное ухо Пепеко уловило тихий «Чпок!» — и тут же сработали рефлексы: он предусмотрительно откатился в сторону, и через мгновение с тихим «Плюмм!» в песок рядом с ним вонзился кокос.

Сбоку раздался возмущенный вскрик — это Кеони, сидевший под соседней пальмой, выразил так свое отношение к несправедливости жизни, а затем с ненавистью поглядел на верхушку своего дерева. В ответ пальма насмешливо ощерилась ему сверху связкой кокосов, которые и не думали падать.

Пепеко есть не хотелось. Но очень хотелось позлить завистливого Кеони. Подняв камень, Пепеко двумя точными ударами расколол волосатый орех.

Вонзить белоснежные зубы в мякоть он не успел — рядом, откуда ни возьмись, появилась Ланаи. Длинноволосая, круглолицая, с отполированным до блеска ма-

леньким кокосовым бикини на груди и юбкой из пары пальмовых листьев, девушка была самой красивой в племени и могла выбирать себе любого. Почему она улыбалась именно ему, Пепеко до сих пор не понимал — важных постов в племени он не занимал, особым красавцем себя не считал. Но, положившись на высказанную как-то отцом мудрость «Женщина — как кокос, никогда не знаешь, почему именно здесь и сейчас решила упасть», влюбленный Пепеко решил просто радоваться ее обществу и зависти, которую вызывало ее к нему внимание у соплеменников.

— Угостишь девушку кокосом? — игриво спросила Ланаи и улыбнулась. Ее улыбка действовала, как солнечный удар: вот ты еще идешь по горячему песку и думаешь о том, как тебе жарко, а в следующий миг приходишь в себя оттого, что здоровый Акалу хлещет тебя по щекам, и ты совершенно не помнишь, что произошло.

Так и сейчас — когда Пепеко пришел в себя, девушки рядом уже не было.

Не было и кокоса.

«Могла бы из вежливости и одной половинкой угоститься», — подумал он с намеком на недовольство.

Чпок — рефлексы — плюмм! — и в песок рядом с Пепеко воткнулся еще один кокос.

Сбоку раздался стон Кеони.

***

Второй кокос Пепеко съел по пути к подножию горы, в которой спал Ика-Ика — сегодня вечером предстоял ежегодный Большой Ам-ам.

Традиция Большого Ам-ама уходила корнями глубоко в песок истории. Испокон веков маленькое племя Така-Така жило на острове Бора-Бора. Испокон веков оно поклонялось четырем богам: Кокосовому, Солнечному, Океанскому и Ика-Ика.

Из всех богов горячий Ика-Ика был самым жестоким. Он жил в высокой горе, растущей прямо из центра острова, и время от времени ревел так страшно, что земля тряслась и раскалывалась, а через жерло горы на землю выплескивалось жидкое пламя.

Жрецы давным-давно определили, что ревет Ика-Ика от одиночества и заповедали раз в год отправлять к нему в гости самую лучшую незамужнюю девушку племени.

Раньше, определяя лучшую, всегда выбирали самую упитанную, рассудив, что тощая девчонка такого большого бога, как Ика-Ика, ни за что не порадует. Девушки племени понимали, что стать гостьей Ика-Ика на ежегодном Большом Ам-аме — это великая честь. Исключительно по причине душевной щедрости и бескорыстия они заботились о счастье подруг прежде своего собственного и усиленно худели, чтобы большая радость стать гостьей Ика-Ика досталась другим, более упитанным.

В конце концов все незамужние девушки заделались стройными, словно молодые пальмы, и определить, кто же из них самая упитанная, стало просто невозможно. Тогда жрецы решили бросать жребий.

В этом году жребий выпал на дочь самого вождя.

Когда Пепеко добрался до подножия горы, где спал Ика-Ика, туда как раз подтягивалось все племя — с ожерельями из ракушек на груди, с праздничными узорами на лицах. Кто-то перебирал струны на кокосовых калимбах, кто-то задорно встряхивал кокосовыми маракасами. В воздухе пахло забродившим кокосом и Большим Ам-амом.

Кроме соплеменников у подножия горы стояли и наха-наха — жители соседнего острова. Два племени дружили испокон времен: делить им было нечего, торговать нечем — и там, и там одни и те же кокосы — а вот посидеть вечерами у воды, выпить забродившего кокосового молока и сплясать под луной — это запросто.

Ежегодное торжество Большого Ам-ама наха-наха никогда не пропускали; у них на острове не было бога, подобного Ика-Ика, а значит, не было и такого праздника. А у их женщин, соответственно, не было причины худеть. Чужие упитанные женщины казались Пепеко величественными и прекрасными в своих объемах! Впрочем, все равно не такими красивыми, как Ланаи.

К удивлению Пепеко, к шесту, на котором обычно отправляли гостью к Ика-Ика, была привязана вовсе не дочь вождя, а тихоголосая Моана с кляпом из колючих волокон кокоса во рту.

— Она вызвалась добровольно, — пояснил вождь, заметив недоуменные взгляды. — И раз она сама так захотела, мы милостиво позволили ей заменить мою дочь.

Моана пучила глаза, мычала сквозь кляп и, похоже, имела что сказать по поводу своей добровольности. Но слово вождя — закон; сказано: добровольно, значит — добровольно. И племя с песнями двинулось на вершину горы.

Чем выше они взбирались, тем более явным становился божественный запах Ика-Ика — едкий, сильный, такой, словно разом протухли десятки черепашьих яиц.

Под праздничное звучание калимб и маракасов жрец трижды обежал вокруг жерла горы, четырежды поклонился, повернувшись к племени лицом, а к богу задом и, наконец, лег животом на землю у самого края, свесил голову вниз, прямо в клубы божественного тухлого аромата и прокричал:

— О, великий Ика-Ика, прими к себе в гости лучшую девушку нашего племени!

И тут торжественность церемонии была грубо прервана — Моана как-то сумела прожевать кокосовые волокна и, освободившись от кляпа, выкрикнула:

— Помогите! Я не вызывалась добровольно, меня заставили!

— На самом краю бездны твой испуг вполне объясним, Моана, — громко и напевно произнес жрец, не позволяя ей срывать церемонию. — Даже сильные духом теряют храбрость перед ликом Ика-Ика. Но не надо бояться! Скоро ты встретишься с богом!

Повинуясь его сигналу, двое рослых поджрецов спешно потащили шест с Моаной к жерлу горы, пока она не наговорила чего лишнего.

— Да будьте вы прокляты! — вдруг прорезался голос у всегда такой тихой Моаны. — Да обрушится на вас гнев чужих богов! Да...

Чего еще нажелала добровольно-принудительная гостья бога, племя не дослушало — Моана исчезла в жерле горы.

Вместе с ней исчезло и праздничное настроение.

Наха-наха торопливо засобирались к лодкам и уплыли обратно на свой остров, хотя обычно всегда оставались на пиршество в честь Большого Ам-ама. Вероятно, испугались, что и их заденет насланное проклятие — они ж, проклятия, такие, им все равно, что лично ты ничего не делал, только стоял и смотрел...

Оставшимся в одиночестве така-така праздновать тоже расхотелось, и они разбрелись под пальмы, недовольно качая головами — в этом году Большой Ам-ам откровенно не удался.

***

Рефлексы Пепеко буквально подбросили его в воздух — это был очень громкий «чпок!» Чпок всех чпоков.

Это был поистине оглушительный «Плюмм!» Вождь всех плюммов.

Только вот в песок вонзился не гигантский кокос.

На широкой полосе пляжа, ровно между пальмами и океаном, стояло нечто и тихо гудело, а вокруг него клубился белый пар.

Нечто было высокое, квадратное, невероятного яркого красного цвета, с прозрачной стеной на одной стороне, за которой виднелись ряды красных баночек с одинаковым серебристым узором на них.

Пепеко оказался ближе всех к чуду и, словно завороженный, осторожно подошел. Обошел кругом, рассматривая. Прикоснулся — и тут же отдернул руку, которую словно обожгло огнем.

Только это был не огонь.

Иногда, когда солнце закрывало облако, а Пепеко заплывал далеко от берега и нырял в глубину, там он ощущал это. Ула. Холод.

Однако холод океанской глубины не шел ни в какое сравнение с холодом появившегося в песке чуда. Это был Ула-Ула, холод холодов.

Подбежал вождь Фелети с дочерью, подбежал завистливый Кеони, здоровяк Акалу и красавица Ланаи, подбежало все остальное племя.

— Это Ула-Ула Коэ-Мако, — сообщил им Пепеко. «Холодный красный бог».

Каждый член племени по очереди с благоговением прикасался к холодному боку Ула-Ула рукой, а после с удивлением рассматривал ладонь, словно прислушиваясь к незнакомым ощущениям

— А что это за отверстие? — подал голос Кеони и указал на проем сбоку, который переливался разными цветами, словно старался привлечь к себе внимание.

Пепеко пожал плечами. Обвел взглядом племя — все выжидающе пялились на него, негласно и единогласно назначив его экспертом по новому богу. Что ж, как говорил отец — пока кокос не расколешь, не узнаешь, какой он внутри.

Пепеко подобрал с песка камень и осторожно положил его в отверстие. Ула-Ула заворчал и недовольно выплюнул его обратно.

Кто-то услужливо подал Пепеко палку, и тот уже храбрее сунул ее в отверстие. Что-то захрустело и так противно заворчало, что Пепеко тут же отбросил палку в сторону. Сделал шаг назад, склонил голову и задумался. Размер отверстия идеально подходил к размеру кокоса. А что если?..

Пепеко решительно направился к своей пальме. Словно почуяв его нужду, Кокосовый бог сбил один из кокосов, и тот с тихим «плюмм!» приземлился в песок. Пепеко подобрал его, принес к чуду и положил в отверстие. То замигало особенным образом, а потом кокос скрылся в чреве Ула-Ула.

Раздалось дребезжание. Ровные ряды красных баночек задрожали, раздался «бацц!», что-то зашуршало, и на песок упала покрытая мелкими бусинками пота красная баночка с серебристым узором.

Дрожащей рукой Пепеко подобрал ее. Ладонь тут же объял холод. Но не такой обжигающий, как от стен Ула-Ула, а более мягкий, более ласковый. Этот холод пробуждал невидимых маленьких крабов, что порой бегали под кожей от предвкушения. Этот холод океанским бризом щекотал сердце, наполняя его непонятными волнением. Отдавался в уши шумом кокосовых маракасов.

На вершине баночки, плотно прижатое к ней, было колечко, которое так и просило поддеть его и потянуть.

Пепеко поддел и потянул.

Раздался чпок.

Это был совершенно другой, незнакомый ему «Чпок».

Бог всех чпоков.

В пальцах Пепеко осталось плоское колечко. Поискав глазами Ланаи, Пепеко протянул колечко ей. Девушка польщенно зарделась. Через миг ее уже окружили подружки, с завистью разглядывая подарок. Ланаи вертела колечко так и эдак, прикладывала к ушам и ко лбу, надевала на пальцы, засовывала в нос. Наконец,

она подняла голову и одарила Пепеко одной из своих улыбок, тех самых, которые действуют, как солнечный удар...

Однако на этот раз сознание не покинуло Пепеко — холодная баночка удержала его в этом мире. Даже не она, а шипение, бурление и божественный запах. Они захватили все внимание Пепеко, манили, тянули, влекли к себе. Пальмы, кокосы, племя и даже Ланаи — все отошло на задний план. Рука словно зажила своей собственной жизнью и поднесла баночку к лицу Пепеко.

Испуганно ахнуло племя.

Пепеко сделал глоток.

Если улыбка Ланаи действовала, как солнечный удар, то вкус этого непривычно холодного напитка был похож на штормовую волну — он обрушился с такой силой, что выбил весь воздух из легких и на бесконечно долгий миг заполонил собой весь мир...

Прошла, казалось, целая вечность, прежде чем Пепеко открыл глаза.

Племя выжидающе смотрело на него.

Пепеко улыбнулся. Он чувствовал себя словно жрец, встретившийся один на один с богом и вернувшийся обратно к своему племени — возвышенный и просвещенный новым знанием.

— Кока-Кока Кола-Кола, — сообщил он. «Слаще кокоса».

***

Следующим попробовать напиток нового бога захотел сам вождь. Но он не стал требовать Кола-Колу у Пепеко; Фелети приказал своим помощникам принести ему кокос.

Через несколько минут приказание было выполнено, и Фелети лично поместил кокос в отверстие на боку Ула-Ула.

Огни замигали, засверкали — и ничего не произошло. Никакого дребезжания, никаких падающих баночек.

Вождь нахмурился, топнул ногой по песку, смерил Ула-Ула грозным взглядом, но потом спохватился — это ведь все-таки бог! Требовательно протянул руку:

— Еще!

Через мгновение в его ладонь вложили новый кокос.

Фелети поместил второй орех в отверстие.

На этот раз Ула-Ула задрожал. Бацц! Вождь нетерпеливо схватил баночку, потянул за колечко. Раздался божественный «чпок!» и уже знакомое шипение, воздух наполнился сладковатым запахом.

Фелети глотнул — и расплылся в улыбке.

— Воистину Кола-Кола, — подтвердил он. — Ни один, даже самый спелый кокос не сравнится!

Тут племя встрепенулось, те, кто посмышленее, разбежались в поисках кокосов для нового бога, за которые он давал Кола-Колу. Остальные, сообразив что к чему чуть позже, ринулись вслед.

Ланаи не побежала, вместо этого она подошла к Пепеко.

— Пепеко, — улыбнулась она своей фирменной улыбкой, — угостишь девушку Кола-Колой?

Что-то случилось с Пепеко. Божественный напиток словно сделал его неуязвимым для улыбки красавицы Ланаи. Пепеко посмотрел на девушку и нахмурился. Длинные волосы, круглое лицо, кокосовое бикини, пара пальмовых листьев вместо юбки. Она что, и правда думает, что он вот так запросто, за одну только улыбку отдаст ей всю баночку Кола-Колы?

— За поцелуй, — выдвинул он вдруг требование, сам поражаясь своему порыву.

Ланаи нахмурилась, но потом посмотрела на такую привлекательную красную баночку, и ее лоб разгладился.

— Хорошо, — согласилась она.

Пепеко давно мечтал о поцелуе Ланаи. Он грезил о нем днем под пальмой, он видел его ночью во сне. Он не сомневался, что после первого поцелуя они станут связаны на всю жизнь, Ланаи выйдет за него замуж, и они вдвоем будут лежать под пальмами и ждать, когда упадут кокосы.

И вот его мечта сбылась — Ланаи его поцеловала.

Но...

Холод от Кола-Колы словно проник в его сердце. Поцелуй был приятным — но не более того.

Ланаи требовательно протянула руку к баночке, ее глаза горели предвкушением. Пепеко, выполняя уговор, нехотя протянул ей божественный напиток.

Девушка сделала глоток и закрыла глаза, на лице было написано блаженство.

Такое должно было быть у нее от поцелуя с ним, Пепеко. Не от Кола-Колы.

Пепеко нетерпеливо выхватил баночку у девушки из рук.

— Ты что делаешь? — удивилась красавица Ланаи. — Я думала, за поцелуй ты угостишь меня Кола-Колой.

Давно копившееся недовольство Пепеко прорвалось наружу.

— Я и угостил. Глотком! — отрезал он.

Ланаи капризно надула губку.

— Ну, Пепе-еко, — ласково протянула она и провела кончиками пальцев по его щеке, — ну неужели ты не отдашь мне всю баночку?

— Я отдам! — раздался голос, так и звенящий внутренней силой. Таким голосом обещают сразить акулу, таким голосом обещают голыми руками расколоть кокос!

Сзади стоял завистливый костлявый Кеони с двумя крупными орехами в руках.

— Я отдам тебе всю баночку Кола-Колы, Ланаи!

Девушка оглядела Кеони расчетливым прищуром — и обратила всю мощь своей солнечно-ударной улыбки на него.

— Спасибо, Кеони! Ты такой милый!

Кровь бросилась в лицо Кеони, превратив его в маску счастливого идиота. Впрочем, он все же успел бросить победный взгляд на Пепеко, прежде чем повернулся к Ула-Ула. Вот первый кокос исчез в отверстии. Затем второй. Ланаи стояла неподалеку и даже подпрыгивала от нетерпения.

Холодный красный бог только тихо гудел. Ни звона, ни дребезжания.

— Ничего не понимаю, — пробормотал Кеони. — Я же скормил ему два кокоса!

— Может, дать ему еще один? — предложил Пепеко.

Кеони с ненавистью покосился на него и нехотя признался:

— У меня больше нету.

— У меня есть, — предложил Пепеко и прежде, чем Кеони успел того остановить, положил третий кокос в отверстие.

Ланаи, сообразив, к чему идет дело, расчетливо приглядывалась теперь к Пепеко.

Бацц! И из Ула-Ула выкатилась еще одна красная баночка. Пепеко схватил ее прежде, чем успел Кеони.

— Отдай! — потребовал тот.

— Вот еще! — фыркнул Пепеко, баюкая прохладную баночку в ладонях. — Если бы не мой кокос, ее вообще бы не было.

— Но первые два кокоса были мои! — возразил Кеони.

Замечание было справедливым, и Пепеко нахмурился.

— Давай тогда пополам, — предложил он.

— Почему это пополам? — осмелел Кеони. — Два кокоса от меня, один от тебя. Получается две трети.

На том и порешили.

Обиженная Ланаи, рассчитывавшая заполучить всю баночку целиком, недовольно насупилась.

Тут подоспел жрец и торопливо засунул в отверстие два кокоса.

— Ничего не выйдет, — мрачно заметил Кеони. — Ула-Ула съел три кокоса, прежде чем подарить нам Кола-Колу.

Жрец огляделся, выхватил еще один кокос из рук своего поджреца и положил в отверстие.

Ула-Ула и не подумал просыпаться.

И тут ужас охватил Пепеко. Ужас и понимание. Каждый раз бог требовал на один кокос больше, чем прежде! И если четыре кокоса за одну баночку Кола-Колы — это еще терпимо, то что же будет дальше?

***

Кола-Кола дала резкий толчок росту арифметики, ненависти и индустриального прогресса на острове.

Раньше племя така-така считало только до десяти, а все сверх того становилось «много». Сейчас, когда цена на Кола-Колу возрастала с каждой новой баночкой, знать, сколько именно «много», стало критично. Така-така пришлось изобретать новые числа.

Что до ненависти — Кола-Кола внесла в маленькое мирное племя така-така такой раздор, которого оно прежде никогда не знало. Конечно, раньше случались споры из-за кокосов и из-за девушек, но вождь выслушивал обе стороны, выносил решение, и в племени снова наступал мир.

Сейчас вождю никто не жаловался. Время — Кола-Кола; уже сейчас за одну баночку Ула-Ула требовал двадцать пять кокосов. Протянешь время — и баночка обойдется еще на один кокос дороже! Нет, така-така разбирались сами, криками и кулаками. Так на острове Бора-Бора появились насилие, воровство и Кокосовые Общества Складчиков.

Те, кому позволяли габариты, попросту отнимали силой или кокосы, или сразу — чего уж мелочиться? — Кола-Колу. Кто похитрее — чужие кокосы выманивали обманом. Половчее и понаглее — просто воровали чужие орехи. Самые никчемные, неспособные ни на обман, ни на толковое воровство кокосов, крали пустые баночки, мастерили из них украшения и приманивали на них девушек. Украшения, сделанные из красных банок и плоских колечек оказывали эффект хуже, чем сама Кола-Кола, но намного лучше, чем кокосы. У Ланаи уже вся грудь была увешана бусами из красных баночек.

Наконец, когда за одну баночку Ула-Ула стал требовать уже больше тридцати кокосов, така-така начали образовывать Кокосовые Общества Складчиков: несколько человек вместе складывали свои кокосы в одну кучу, а потом делили полученную Кола-Колу пропорционально размеру своего кокосового вклада. Эта практика работала с переменным успехом — Кокосовые Общества переманивали друг у друга складчиков, а то и вовсе плевали на договоренности и делили Кола-Колу не по справедливости, а как вздумается.

Но самое главное — на Бора-Бору пришел индустриальный прогресс. Ждать, пока кокос сам упадет на землю, стало решительно невозможно, требовалось срочно ускорить процесс. В ход пошли длинные палки, которыми можно было сбивать

кокосы с верхушек пальм. Когда добрасывать палки не выходило, появились рогатки, из которых пулялись камнями. А самые высокие и неприступные пальмы племя решило рубить, для чего срочно были изобретены каменные топоры.

Когда жрец робко заикнулся, что, возможно, все это не понравится Кокосовому богу, на него никто не обратил внимания. Ула-Ула захватил умы и покорил сердца. Ничего в жизни така-така не имело такого значения, как дорожающая с каждым днем Кола-Кола.

***

Пепеко грустно брел по берегу и глядел на возвышающегося вдалеке Ула-Ула.

Раньше самым злым богом на острове был Ика-Ика, но Ула-Ула вытеснил его. И хотя он не требовал себе лучшую девушку племени, злой Ула-Ула забрал у така-така куда больше — мир и покой, дружбу и доверие, взаимопонимание и радость от простого кокоса.

Да, вкус удивительного холодного напитка был божественным. Но стоил ли он того раздора, который расколол така-така? Стоил ли всех срубленных пальм?

Ула-Ула стоял на берегу уже так долго, что пришла пора нового Большого Ам-Ама. Но племени было не до праздника — на острове наступил кокосовый кризис. Ула-Ула требовал уже более шестидесяти кокосов за одну баночку; пальмы не родили кокосы с такой скоростью, с какой племя скармливало их холодному богу.

Все реже и реже кто-то из така-така подходил к Ула-Ула за Кола-Колой. Несколько дней назад Пепеко видел, как к богу приблизилось сразу два Кокосовых Общества, у каждого из которых было по шестьдесят три кокоса. Общества долго ругались между собой, выясняя, кто же из них пришел первым. Спор был критичен, ведь тому, кто окажется вторым, придется искать где-то еще один, уже шестьдесят четвертый кокос.

Наконец, предприимчивый малый из одного общества подозвал к себе Ланаи и нашептал ей что-то на ухо. Ланаи кивнула, подошла к одному из складчиков другого общества, отозвала в сторонку и улыбнулась своей солнечно-ударной улыбкой.

— Угостишь девушку кокосом?

Осчастливленный складчик потерял сознание, и красавица спокойно забрала себе его кокос. Таким образом одно Кокосовое Общество выбыло из соревнований.

Вторые завопили от радости и уже приготовились было скормить волосатые орехи холодному богу — но замерли, глядя на свои сваленные в кучу шестьдесят три кокоса. Это была очень, очень большая горка кокосов! Против нее одна баночка Кола-Колы казалась такой маленькой...

Кокосовый кризис свирепел с каждым днем, ведь орехов на острове оставалось все меньше. Сегодня утром группа особо отчаянных така-така даже отправилась в рейдерский набег на соседний остров, к дружественным наха-наха, надеясь захватить у них кокосы.

А вот как раз и они — Пепеко увидел приближающуюся к берегу лодку.

Соплеменники выскочили из нее, словно ошпаренные поцелуями медуз, и со всех ног побежали к ожидавшему их на берегу вождю. Быстрее всех бежал и кричал завистливый Кеони.

— А у них! А у них! — повторял он, пытаясь отдышаться. — А у них тоже есть свой Ула-Ула! — наконец выкрикнул он.

Племя удивленно выдохнуло.

— Но только у них Ула-Ула не красный, а синий! И работает совсем по-другому! — продолжил Кеони. — Одна Кола-Кола за один кокос! И так — каждый раз!

Гнев и возмущение охватили каждого жителя племени. Ах, эти коварные наха-наха! Ах, эти мерзкие хитрые соседи! Живут припеваючи на своем острове, без грозного Ика-Ика, то и дело приплывают на Бора-Бора в гости, кормятся за их счет на Большом Ам-аме, да еще и Ула-Ула дает им по баночке за один кокос! А они, бедные така-така, мало того, что должны терпеть гнет жестокого Ика-Ика и ежегодно провожать к нему в гости лучшую девушку племени, так еще и Ула-Ула требует уже шестьдесят с лишним кокосов за одну баночку Кола-Колы!

Несправедливо!

Благородная ярость сделала то, что не мог сделать вождь с тех пор, как на острове появилась Кола-Кола — она вмиг стерла все распри и разногласия и объединила племя в общей ненависти к врагу.

— А давайте пойдем на них войной!

И така-така, недолго думая, пошли.

И даже то, что дело шло к вечеру, их не остановило. Така-така вооружились рогатками и топорами, рассудив, что если они годятся для кокосов, сгодятся и для врагов, расселись по лодкам и поплыли.

Наха-наха нападения явно не ожидали.

Собственно, они его просто не заметили — к тому времени, как така-така доплыли до соседского острова, стояла глубокая ночь, и наха-наха мирно спали под своими пальмами.

Поскольку сражаться было не с кем, така-така почесали затылки и решили в таком случае украсть у наглых соседей их щедрого бога. Выбрали лодку побольше и покрепче, кряхтя от усилий взгромоздили синего Ула-Ула на борт — и отправились обратно.

Ничто не предвещало беду, но вдруг откуда ни возьмись налетел ветер и поднялись волны. Лодки качались, скакали с гребня на гребень, проваливались в водяные пропасти. Прыгала по высоким волнам и лодка с синим Ула-Ула.

Прыгала-прыгала — да и перевернулась. И под горестный вопль племени чужой Ула-Ула мгновенно пошел ко дну.

***

— У вас тоже был Ула-Ула? И он пропал? — сделали удивленные глаза така-така, когда на следующий день к ним приплыли соседи наха-наха. — Ай-ай-ай, — покачали они головами и отвели взгляды. — Ну, он же бог, как пришел, так и ушел...

— Да, он бог, — грустно согласились наха-наха и с завистью покосились на красного Ула-Ула.

— Но вы можете поклоняться нашему, — щедро предложили така-така. — Всего шестьдесят пять кокосов — и он даст вам одну Кола-Колу.

— Сколько-сколько? — удивились наха-наха; арифметика с появлением нового бога у них явно не развилась.

— Это десять, десять, десять, десять, десять и еще раз десять и пять, — пояснили така-така и, видя шок в глазах соседей, пожали плечами: — Наш Ула-Ула очень жадный.

— Так много кокосов? — сказали наконец наха-наха. — Да на вашего бога орехов не напасешься!

И уплыли. А така-така остались стоять на берегу.

В воздухе еще висели отзвуки слов наха-наха, когда Пепеко набрался смелости и высказал вслух то, что давно уже думал:

— Ула-Ула — плохой бог. Вы только посмотрите, что он натворил! — продолжил он, и с каждым словом его голос набирал все большую силу. — У нас из-за него теперь ни дружбы, ни любви, ни кокосов. Зачем он вообще появился? Ула-Ула — плохой бог!

Пепеко обвел взглядом собравшееся вокруг племя — и с облегчением увидел, что его слова нашли отклик — в глазах соплеменников горело мрачное согласие.

А может, все дело было вовсе не в словах Пепеко, а в том, что на острове Бора-Бора осталось очень мало кокосов.

***

На этот раз никто не наносил праздничную раскраску на лица, не играли кокосовые калибмы, не шумели кокосовые маракасы. И наха-наха впервые за долгие годы не приехали на праздник Большого Ам-ама — они скорбели по потере своего бога.

Жребий на гостью для Ика-Ика жрец тоже не бросал.

А все потому, что племя решило вместо девушки отправить в гости к Ика-Ика Ула-Ула; и тот, и другой — боги, один горячий, другой холодный, вот пусть они друг друга и развлекают.

Тащили тяжелого Ула-Ула на вершину горы всем племенем, волокли целый день, то и дело останавливаясь, чтобы передохнуть и согреться — бока бога обжигали холодным огнем.

Жрец, как положено, трижды обежал вокруг жерла горы, четырежды поклонился, лег животом на землю у самого края и прокричал:

— О великий Ика-Ика, прими к себе в гости бога Ула-Ула!

По его сигналу несколько дюжих поджрецов налегли на холодный бок бога, и Ула-Ула полетел в жерло горы.

Така-така вздохнули.

Вот и все.

***

Пепеко лежал под пальмой и ждал, когда упадет кокос.

Чпок!

Рефлексы подкинули Пепеко с песка, и он резко перекатился на бок.

Плюмм!

И в песок вонзился...

Пепеко с ужасом воззрился на красную баночку Кола-Колы. Задрал голову в небо. Из жерла Ика-Ика и прямиком к его пальме по небу шел слабый белый след.

О, нет, только не это!

Ну почему, почему Ика-Ика стал плеваться Кола-Колой? Нет чтобы плеваться кокосами, которые сожрал Ула-Ула!

В панике Пепеко схватил холодную баночку и затравленно огляделся. Кажется, его никто не видел.

Что ж, может, еще не все пропало.

Пепеко отбежал в сторонку, к старой пальме, которая уже давно не приносила кокосов, и принялся торопливо копать. Когда яма стала глубиной по колено, Пепеко положил туда красную баночку и засыпал песком. Потом потоптался, попрыгал, уминая получившуюся горку. Присыпал сухими пальмовыми листьями.

Все, теперь никто не узнает.

Пепеко вернулся к своей пальме и снова улегся под нее.

Шли минуты, сердце успокаивало свой бег. Кажется, никто не заметил.

Пепеко очень надеялся, что эта баночка была первой и единственной, вылетевшей из Ика-Ика. Чутье, то самое, которое всегда улавливало едва слышное «чпок» перед тем, как падал кокос, подсказывало ему, что от Кола-Колы, даже бесплатной, добра лучше не ждать.

Вот прошел мимо жрец, вот куда-то побежал здоровяк Акалу. Вот устроился под соседней пальмой завистливый Кеони. Все как всегда, мирная племенная жизнь...

Чпок! — рефлексы — плюмм!

В песок рядом с Пепеко вонзился... кокос.

Пепеко облегченно выдохнул.

Кеони застонал.

Рядом появилась длинноволосая красавица Ланаи и игриво спросила:

— Угостишь девушку кокосом?

Пепеко улыбнулся. Жизнь продолжалась.

ДУРОЧКА

Когда мы месяц назад заняли городок, в нем было девятьсот жителей и тысяча собак. Сейчас оставалось человек шестьсот и не больше сотни четвероногих. Люди гибли под обстрелами, уезжали к родственникам в другие города или уходили в ополчение и подпольное сопротивление. Собаки же разбежались, когда в городе закончилось продовольствие, и люди из хозяев превратились в голодных и опасных хищников.

Сегодня мы ждали атаки с линии фронта и подкрепления.

Вместо атаки с линии фронта на нас напали ополченцы с тыла — попытались поджечь склад с боеприпасами. Я в который раз удивился, зачем они лезут под наши плазмометы со своими древними ручными автоматами, заранее зная, что их попытки обречены.

Вместо подкрепления нам привезли раненых, эвакуированных из госпиталя, попавшего под вражеский обстрел.

— Ну, подкрепление, конечно, так себе, калеки, но спасибо, что хоть не робокопы, — заметил Серфер, глядя на новеньких.

— А чем тебе не угодили робокопы? И вообще, ты разве с ними служил? — удивился я. По заявлениям командования, боевых андроидов — последнюю новинку военной техники — начали поставлять в армию всего несколько месяцев назад.

— Не служил. Но не люблю я эти железяки! Говорят, их от нас и не отличить.

— В том-то и смысл!

Несколько минут Серфер рассматривал раненых, которых выносили из санитарного вертолета.

— А если эти робокопы уже среди нас? — вдруг спросил он.

— Как это? — не понял я.

— Ну, говорят, они уже несколько месяцев сражаются среди нас. И если от нас их не отличить, то, может, кто-то из наших ребят на самом деле — робот?

Я фыркнул. Враг регулярно запускал страшные слухи о новом секретном оружии, которым он вот-вот по нам ударит. Наши в ответ говорили, что союзники изобрели оружие пострашнее и вот-вот запустят его. Истории с андроидами вполне вписывались в эту картину; сначала носорылые сообщили, что у них готов целый полк андроидов. В ответ наши заявили, что андроиды давно уже сражаются наряду с солдатами. Я не особо в это верил, считал, что наше командование привирает с целью деморализации противника. А вот Серфера, видать, зацепило.

— Не говори ерунды! — отмахнулся я.

— Если кто из наших и робокоп, то это точно Вперед, — горячо зашептал Серфер, хватая меня за рукав и показывая на шустрого рядового, помогавшего санитарам с ранеными. — Вечно он первый лезет, всегда с инициативой, всегда готов. Ну точно андроид!

— Вперед не может быть андроидом, он как-то раз нахамил нашему сержанту. Не думаю, что роботы стали бы хамить командиру, — парировал я, хоть и был согласен с тем, что Вперед и впрямь отличался рьяной исполнительностью.

— А если это просто маскировка?

— У тебя мания, приятель, — ответил я. — Думаю, если бы среди нас были андроиды, мы бы их все-таки вычислили; они не могут быть точно такими же, как мы.

Вечером, сдав смену, я показывал новичкам территорию базы.

— Нам сказали, у вас тут пока тихо? — спросил меня один из них, курносый Артур со свежим шрамом на бритой голове.

Я не успел ответить — завопила сирена воздушной атаки.

— Сам видишь, — пропыхтел я, пока мы бежали к укрытию. Наверху что-то гудело, на земле рвались снаряды, а позади нас пронзали небо разноцветные лучи лазерных установок, пытающихся перехватить вражеские бомбардировщики. Было красиво. И страшно.

— Ты где ранение получил? — спросил я позже, когда затихли сирены и взрывы.

— Не помню, — тихо ответил Артур. — Не помню ничего до госпиталя.

Я удивился. Нам всем заблокировали память перед тем, как отправить на фронт, но я не слышал, чтобы память блокировали еще раз после ранений.

«Может, он андроид?» — мелькнула у меня в голове шальная мысль, но я тут же от нее отмахнулся. Вот ведь Серфер, совсем запудрил мозги со своими теориями! У андроида не было бы такого воспаленного шрама на лысой башке, как у Артура. Что до отсутствия памяти — этим могли похвастаться почти все мы.

— Память вам не понадобится, — отрывисто рявкал прапор в тренировочном центре. — Вы наверняка начитались и насмотрелись всякой ерунды в сетях, и в головах у вас изрядно насрато. Не сомневаюсь, что у вас, политически грамотных граждан нашего гребаного мира глобальных коммуникаций, наверняка есть свое собственное дерьмовое мнение по поводу того, кто прав и кто виноват. Так вот, на войне все это будет вам только мешать. Солдат должен выполнять приказ, не раздумывая и не сомневаясь. И уж тем более, мать вашу, не имея собственного мнения. А чтобы вы не думали и не сомневались, память вам блокируют. Когда победим носорылых, тогда вам ее восстановят.

И мы действительно ничего не помнили. А о войне, в которой участвовал весь мир, знали лишь то, что говорили нам наши офицеры, и полагали, что раз мы воюем не на стороне носорылых, значит, правда за нами.

Мы ничего не помнили из прошлой жизни. Кто из нас был студентом, кто слесарем, а кто — учителем? Кто из нас был с Севера, кто — с Восточных озер, а кто — из южных степей? Что мы любили, чего хотели, о чем мечтали?

Каждому из нас перед блокировкой разрешили сохранить только одно личное воспоминание — выбрать из настоящих или придумать новое.

Я оставил себе день из детства, когда мы с младшим братом Максом купались в пруду на даче. Вода была теплой и затянутой ряской, надувной круг — старым и с потертыми красными полосами по бокам. Ничего в том дне не было особенного, кроме ощущения бесконечного лета, счастья и тепла.

Крепыш Вперед говорил, что он оставил себе воспоминание об одном из новогодних праздников в детстве. А Серфер — о том, как он первый раз сделал Бигвейв. Вот только он не знал, настоящее это воспоминание или придуманное.

— Я ощущаю вкус соли на губах, морской ветер в волосах и гребень волны под ногами. Я помню взгляды людей на пляже, когда я возвращаюсь с океана, с доской под мышкой; они смотрят на меня так, будто я — пришелец из другого мира.

— Брешешь, — фыркал Бабник каждый раз, когда слышал Серфера. — Как пить дать это воспоминание — фальшивое. Ну, не похож ты на серфера, хоть убей!

Бабника называли бабником потому, что на плече у него была татуировка женского лица. Но он не помнил, кто она, эта женщина. Мать, жена, сестра? А своим единственным довоенным воспоминанием он с нами не делился.

Серфер в ответ на слова Бабника только кривился.

— Да нет, наверняка это воспоминание настоящее, — убеждал он потом себя и нас. — Я же чувствую привкус соли на губах!

Я молчал. В такие минуты меня охватывал страх, что солнечное лето на пруду — это тоже всего лишь выдумка. Я держался за беззубую улыбку Макса и повторял себе, что наверняка где-то там он есть на самом деле, мой младший брат.

***

Как обычно, я весь день пролежал на вышке, со своей верной лазерной снайперкой. Мне полагалось страховать автоматику слежения; ее программа была настроена на боевую технику и обычное оружие, засекала вражеские самолеты или вооруженных людей куда раньше меня. Но она не замечала местных с кирпичами, которые разбивают камеры наблюдения, и бутылками с зажигательной смесью, которые поджигают склады с оружием и продовольствием.

Слепило солнце, в воздухе висела жаркая рябь. Я установил на прицел режим затемнения и устроился поудобнее.

На улице появилась Дурочка с ведрами. Воды в домах давно уже не было, поэтому местные ходили на чудом уцелевшую водокачку. Чудом, потому что носорылые так яростно обстреливали городок, пытаясь выбить нас отсюда, что разрушили едва ли не всю инфраструктуру.

Через окуляр я следил за девушкой в легком сарафанчике с русыми волосами до пояса. Через несколько мгновений к ней подбежал лохматый парень в клетчатой рубашке и безразмерных брезентовых штанах.

Я прибавил звук в наушнике.

— Дурочка! Ты зачем такую тяжесть сама тащишь? — услышал я ласковый голос парня.

— Я ж не хрустальная! — засмеялась девушка. — Донесу!

— Ну уж нет, — парень, улыбаясь, забрал у нее ведра.

Я смотрел за этой парочкой с непонятной мне самому жадностью. И не только за ними. Я наблюдал за всеми местными жителями, составляя из тех кусочков, что видел, мозаику их жизней.

Например, беззубая старуха, которую я называл про себя Старой Фурией, запомнилась мне с первого же дня. Мы тогда устанавливали проволочную ограду вокруг базы, и местные собрались неподалеку. Они не двигались и угрюмо смотрели на нас. И тут вперед вышла она, Старая Фурия, в повязанном на голову цветастом платке, с полупустой авоськой в руках, и бесстрашно поковыляла нам навстречу, не обращая внимания на вооруженных караульных. Подойдя поближе, она хорошенько размахнулась и обрушила авоську на оказавшегося ближе всех Бабника.

— Чтоб вы сдохли, ненавижу! Внучка моего… — шамкала она неразборчиво, снова и снова занося авоську. Бабник прикрывался, караульные, держа бабку на

прицеле, растерянно переглядывались. Врага, оказывающего сопротивление, полагалось нейтрализовать — без сомнений и промедлений. Но — какой из нее враг?

И все равно полусумасшедшую бабку пристрелили бы, но Старая Фурия внезапно прекратила размахивать своей авоськой, тяжело опустилась в дорожную пыль — и вдруг заплакала, тоненько и горько. А мы… мы тогда просто сбежали, оставив ограду недоделанной.

Старую Фурию я видел регулярно. Каждый раз, когда прилетал самолет с продовольствием, она все так же решительно, как в самый первый день, ковыляла к складу, куда наши ребята сгружали ящики, и требовательно протягивала руку. Отказать ей не хватало духу никому из нас, как и спросить, как она собирается жевать сухпаек, если у нее давно нет зубов. Даже лейтенант, однажды увидевший эту сцену, промолчал — хотя он и был любитель поорать, каких мало. А Старая Фурия спокойно клала паек в свою вытянутую авоську и снова протягивала руку — за новым.

Этими выпрошенными пайками старуха подкармливала местных детишек. Те в ответ дарили ей браслетики и бусики, которые мастерили из пустых гильз и осколков снарядов. Последнее время приближение старухи можно было определить по звуку — браслеты и бусы из гильз позвякивали, ударяясь друг о друга, когда она шла.

А еще Старая Фурия подкармливала Дурочку; я определил это потому, что однажды увидел, как Дурочка ест брикет из нашего пайка. Она шла по улице и жевала — медленно, явно наслаждаясь каждым кусочком. Но не доела, оставила половину.

Позже эту половину она отдала парню в клетчатой рубашке — она постоянно так делала. Тот, в свою очередь, все время приносил ей книги, а иногда клубни нарытой где-то картошки, и тогда они устраивали пир — пекли ее на костре, уходя подальше от городских улиц.

Испытывая чувство вины за то, что подслушиваю и подглядываю, я тем не менее всегда прибавлял звук наушника и ловил их тихие разговоры.

— Ты зачем так рисковал? — ласково выговаривала девушка, принимая очередную книгу. — Зачем снова лез в эти развалины? А вдруг обвалится и придавит тебя?

— Ничего со мной не случится, не бойся, — отвечал парень. — Да и вообще, для тебя я не только в разрушенный дом — я в огонь полезу.

А однажды он принес девушке букет пырея и пыльного хвоща и сплетенное из проволоки колечко.

— Выходи за меня замуж, — безмятежно предложил он, как будто звал погулять.

— Замуж? — с улыбкой покачала головой девушка. — Дурачок! Какая же свадьба, когда война? Вот когда она закончится, когда опять будет нормальная жизнь…

— Но наша-то с тобой жизнь не будет ждать, когда кончится война…

Я не знаю, сыграли ли они тогда свадьбу. Но колечко из проволоки Дурочка с тех пор носила.

Я провожал Дурачков взглядом через прицел, пока они не скрылись за развалинами магазина, и на улице снова стало пусто.

Перенастроив зум, я принялся привычно осматривать окрестности. Кто-то из местных развешивал белье на веревках, кто-то колол дрова, кто-то просто сидел и бездумно глядел прямо перед собой. Из-за угла выбежали дети и тощая куцехвостая дворняга, крадучись подобрались к той части ограды, за которой стоял склад продовольствия. Я было подумал, что они будут клянчить у караульных еду, но оказалось, они всего лишь пришли за пустыми гильзами, оставшимися от вчерашней перестрелки.

Девчушка с двумя хвостиками победно вскинула руку со смятым в лепешку осколком металла.

— Смотрите, что я нашла! — радостно воскликнула она.

Ребятня загалдела, и через несколько минут на уцелевшем участке асфальта уже были расчерчены классики, а плоский осколок стал битом.

Я засмотрелся на детей и не сразу заметил появление шустрого молодого парнишки. Я не знал его имени, а сам называл про себя таких, как он, озлобленных подростков Борзыми — они глядели на нас с нехорошим прищуром, пакостили по мелочи, и я верил, что стоит повернуться к ним спиной, как они тут же в нее ударят.

Борзый медленно осматривал нашу базу. Задержался взглядом на нескольких раненых, медленно прогуливавшихся под теплым солнышком вдоль ограждения. Прищурился, недоверчиво покачал головой — и вдруг бросился к проволочной ограде.

Я тут же поймал его в прицел.

— Немедленно остановитесь, или я открою огонь, — предупредили динамики моим голосом.

Борзый замер в нескольких метрах от проволоки.

— Артур! — вдруг закричал он.

Раненый, тот, со шрамом на голове, вздрогнул и обернулся на крик.

— Артур, это ты? — продолжил надрываться Борзый. — Тебя что, в плен взяли?

Артур остановился, разглядывая парня.

Я крутанул громкость в наушнике.

— Отвали, пацан, я тебя не знаю, — бросил Артур.

Борзый даже пошатнулся.

— Артур, ты чего? Что они с тобой сделали? Это же я, Кит, твой брат. Ты что, и правда меня не помнишь?

Артур несколько растерянно покачал головой и торопливо зашагал прочь.

Борзый по имени Кит еще долго стоял у ограды, глядя ему вслед. Я приблизил зум прицела и увидел в его злых глазах что-то, похожее на слезы.

***

На следующий день носорылые предприняли два налета. Чуть повредили нам посадочную площадку для вертолета, окончательно разрушили электровышку и два пятиэтажных дома на окраине. Потом к городу подошла шеренга танков.

Мы отбились и обошлись без потерь, только легко ранило Вперед. Когда его несли в лазарет на носилках, я еще подумал, что теперь-то Серфер точно успокоится — так из андроидов кровь хлестать не может.

Наша лазерка сбила один самолет, два танка подорвали из гранатометов.

Когда бойцы вернулись на базу, Серфер зло ругался.

— Как воевать, мать твою? Самолет — беспилотный, оба танка — полный автомат! Где, я вас спрашиваю, враг, а? С кем мы воюем?

— С кем, с кем, — недовольно проворчал Бабник. — С носорылыми!

— А где они, мать их так? Нету носорылых! Ни в самолете, ни в танках! Враг сидит за тыщу миль отсюда, в центрах управления беспилотниками и нажатием пальца на кнопочку бросает на нас бомбы, а тут, на поле боя, вот уже несколько недель ни одного солдата, только машины. Единственные носорылые, которых я вижу вокруг, — это жители этого гребаного городка. С ними, что ли, воевать? Со старухой их, которая с авоськой? Или с детьми, которые в классики играют?

Вечером снова появился Кит. Не приближаясь, поднял высоко руки с какой-то книгой, показывая, что не вооружен, и медленно, очень медленно зашагал к ограж-

дению. Когда на его груди появилась дрожащая красная точка моего прицела, он поднял голову и громко сказал:

— Я хочу поговорить с Артуром. Пожалуйста!

Артур к проволочной ограде подошел неохотно.

— Смотри, — торопливо заговорил Кит и раскрыл книгу. — Это наши фотографии. Вот, видишь? Это мы на дне рождения дяди Фили. Вот я, вот ты, вот наш отец. А это мы позапрошлой зимой в лес на лыжах ходили, видишь?

Кит листал альбом, Артур в замешательстве рассматривал фотографии. Я максимально приблизил зум. На снимках и впрямь был Артур…

— Не понимаю, — говорил он вечером с бесконечной растерянностью в голосе. — Это что же выходит, я — из носорылых? Как так?

— Вражеские происки, — уверенно отозвался Бабник. — Пытаются нас деморализовать.

— Не знаю, — с сомнением протянул Серфер. — Больше похоже на то, что наши подобрали раненого Артура и просто переделали ему мозги. И теперь Артур — наш, на нашей стороне, хоть и был изначально носорылым… — Серфер нахмурился. — Так, может, и я когда-то был носорылым, и мне тоже мозги перевернули? А все воспоминания о том, как я воевал за нас, — фальшивка? А если мы все — бывшие носорылые, и Бабник, и Артур, и я? На рожах-то у нас не написано. И кто же тогда враг? Как его определить?

— По тому, в какую сторону направлено дуло его оружия, — спокойно ответил Бабник; он явно не терзался сомнениями. — Если дуло смотрит в одну с тобой сторону, то это твой союзник. Если дуло направлено на тебя, то это твой враг. А бывший он носорылый или нет — это уже не важно.

Слова Бабника никого из нас особо не успокоили. Тем вечером мне приснилось, что на самом деле я — тоже носорылый. Что я жил когда-то в этом городе, и Старая Фурия на самом деле — моя бабушка, а я и есть тот самый внучек, которого она потеряла.

***

На следующий день налет случился уже под вечер. Враг снова сбросил на город несколько бомб, не причинив особого вреда нам, но причинив вред местным. Когда развеялся дым, в прицел снайперки я увидел убитую осколком куцехвостую дворнягу, над которой горько плакала девочка с двумя хвостиками, игравшая недавно в классики.

Неподалеку лежало тело какого-то мужчины, не успевшего спрятаться, когда началась бомбежка. Его девочка словно не видела.

А потом из-за угла разрушенного магазина показались Дурачки.

Дурочка плакала, и я тут же в тревоге крутанул колесико наушника. Что у нее случилось? Она ранена?

— И что теперь делать? — всхлипывала девушка.

Парень в неизменной клетчатой рубашке обнимал ее за плечи.

— Чего ты расстраиваешься? Дурочка! Это же такая радость! У нас будет ребеночек!

— Ты дурак? — огрызнулась девушка, и непривычное «дурак» вместо всегда ласкового «дурачка» резануло ухо. — Какой ребенок? Как мы его будем растить? Как… Как мы сможем его защитить?

— Сможем. Вот увидишь, сможем, — уверял Дурачок, обнимая девушку и почему-то казался мне намного старше, чем еще вчера.

***

Кит приходил к ограждению каждый день и настойчиво звал Артура. Тот поправился и уже начал нести службу, но даже если не был на дежурстве, к Киту не выходил. Но парень знал, что если громко кричать, то его будет слышно. И Кит часами стоял у ограды и орал историю за историей из прошлого, надеясь достучаться до памяти Артура.

До памяти Кит так и не достучался, но уже никто, даже сам Артур, не сомневался, что он и впрямь был прежде носорылым — до тех пор, пока ему не перекрутили мозги. И это открытие всех нас как-то обескуражило. Враг — он и есть враг, он не может, он не должен вот так запросто переходить со стороны на сторону!

Звенящая браслетами и бусами из гильз Старая Фурия попала под перекрестный огонь, когда ополченцы в очередной раз штурмовали нашу базу. Выпрашивать пайки для детишек и для Дурочки стало некому.

Дети продолжали собирать гильзы, но больше не делали из них браслеты и бусы. Вместо украшений ребятня мастерила из деревяшек рогатки и использовала пустые гильзы в качестве снарядов. Мишенями, разумеется, были мы.

Дурочка похудела, побледнела и при свете дня казалась почти прозрачной. Дурачок тоже осунулся, безразмерные брезентовые штаны с него едва не падали.

— Может, сбежим отсюда? — выдал он как-то предложение, рожденное от полного отчаяния.

— Куда бежать? — вздохнула девушка. — Везде война.

Однажды в новой партии продовольствия мы обнаружили ящик с апельсинами. Тем вечером была моя очередь ехать в патруль; я прихватил с собой два апельсина и сухпаек — я знал, в подвале какого дома прячутся по ночам Дурачки, и собирался остановиться там.

Заходить в подвал не пришлось; к дому шел сам Дурачок с двумя книжками и пучком грязной редиски для Дурочки. Я притормозил.

— Эй, — крикнул я и растерянно замолчал, сообразив, что не знаю имени парня. Не Дурачком же его звать? — Эй, ты! — позвал я, не найдя ничего лучшего.

Парень настороженно смотрел на меня и не приближался.

Я не стал его подзывать. Я достал пакет с пайком и апельсины и бросил парню. Носорылые или нет, но его Дурочке надо есть.

К тому же, кто знает, может, и мой летний пруд с Максом, ряской и старым надувным кругом был всего лишь вымыслом, и на самом деле я такой же носорылый…

***

Кит подкараулил Артура, когда тот делал объезд по периметру. Встал прямо перед машиной с пистолетом в руках. Приблизив зум прицела, я видел его лицо так четко, словно он стоял прямо напротив меня — бледные губы закушены, в глазах смертельная решимость.

— Стоять! — закричал он, хотя джип и без того уже остановился, и из него выскочили Артур и Бабник.

— Кит, не надо! — предупреждающе сказал Артур, положив руку на плазму, а Бабник уже нацелил свое оружие на парня.

Я тоже навел на него свою снайперку, готовый стрелять в случае опасности.

— Надо! — нервно выкрикнул Кит; руки, державшие пистолет, дрожали, отчего дуло ходило ходуном.

— Опусти оружие, — уговаривал Артур. — Опусти оружие, Кит, или мне придется выстрелить.

— Стреляй! — отчаянно заорал парень. — Если ты совсем не помнишь меня, тебе должно быть все равно! Я для тебя — всего лишь еще один носорылый! Ну, стреляй!

Артур почти против воли поднял свою плазму, наставил на парня.

— Зачем ты это делаешь?

— Хочу пробиться через заслон, который они тебе поставили! Ты или вспомнишь меня, или пристрелишь!

— Кит! — с мукой в голосе выдавил Артур. — Кит, ты не понимаешь! У нас инструкция! Мы обязаны стрелять, если враг вооружен.

— А я враг? — выпалил Кит и взвел курок. — Ну, так стреляй, раз враг! Стре...

Короткая вспышка оборвала его крик. Кит рухнул на землю.

Артур разжал руки, плазма упала на землю.

Бабник опустил дуло своего оружия. В максимальном зуме прицела мне было видно, как из него шел слабый дымок.

***

Артур угрюмо заявил, что пойдет на похороны. Сержант категорически запретил. На лице Артура была написана столь же категорическая решимость ослушаться приказа.

Я сочувствовал ему. Он не помнил Кита, но не сомневался, что это действительно был его брат. И чувствовал себя обязанным что-то сделать. Только вот, похоже, так и не решил, что именно.

Я полагал, что Артур сделает глупость, и потому предложил компромисс — как раз подошла моя очередь делать патрульный объезд, и я позвал Артура с собой и пообещал, что мы проедем неподалеку от кладбища. И я даже приторможу, так что он сможет хотя бы так попрощаться с братом, которого не помнил.

Внезапно с нами решил поехать Бабник. Наверное, почуял, что мы затеваем глупость — всем своим видом он выказывал настороженность. А в последний миг в джип запрыгнул и Серфер.

В том, что это была плохая идея — ехать на кладбище — я убедился сразу же. Собравшиеся там люди были не только убиты горем, но и бесконечно злы. Стоило им услышать приближение нашего джипа, и они прямо-таки ощетинились, а в сухом жарком воздухе запахло грозой.

— Может, лучше не надо? — придержал я за руку Артура, когда тот собрался выйти из машины.

Он не успел ответить — что-то тихо звякнуло по стеклу, и Бабник тяжело завалился на бок.

— Они стреляют! — закричал Серфер, и я тут же нажал на газ.

Несколько мгновений спустя Серфер снова закричал.

— Да что еще за хрень? — проорал я, не оборачиваясь, так как на полной скорости гнал обратно на базу.

— Бабник! — закричал Серфер в ответ. — Бабник! Он...

Бабник оказался андроидом. Тем самым боевым андроидом, который неотличим от нас. Пуля вошла в грудь, но крови не было, только оторвавшийся кусок кожи чуть обнажал металлический каркас и электронное содержимое.

— Ничего, техники починят, — спокойно заявил сержант, когда мы вернулись на базу.

— Как же так? У него же татуха на плече, — растерянно говорил Серфер. — Он же, как и все мы, жрал эти сухпайки! Да мы же ссали с ним в одних кустах!

Позже, уже вернувшись на базу, я смотрел, как техники забирали тело Бабника, и у меня в голове вертелась шальная мысль: что, если я тоже андроид?

И тут же помотал головой — я схожу с ума!

Однако Серфер, казалось, подслушал мои безумные мысли, потому что вдруг выхватил нож и полоснул себя по руке.

А потом с облегчением смотрел, как из раны текла кровь.

***

Выстрел в Бабника командование расценило как акт открытой агрессии и приказало провести операцию по зачистке города от повстанцев.

Мы даже не пытались объяснить сержанту, что повстанцами тут и не пахнет. Приказы начальства не подлежали обсуждению, а наш слабый протест лишь вызвал у сержанта хмурое замечание:

— Пора вам по новой память блокировать, что-то много вы думать стали.

Мы выдвинулись в притихший город колонной после полудня. Я лежал в укрытии на крыше грузовика, со своей верной спайперкой.

Город встречал нас тишиной и запахом раскаленной пыли, провалами разбитых окон, хрустом кирпичей под колесами и изредка — лаем собак. Мы продвигались медленно, квартал за кварталом. Казалось, местным хватило ума попрятаться по подвалам и отсидеться.

Но не случилось. За очередным поворотом нас поджидала толпа подростков, тех самых, борзых, которые всегда доставляли нам мелкие неприятности. Мне было совершенно ясно, что никакие они ни ополченцы, ни силы сопротивления. Но у них в руках были кирпичи, пустые бутылки и биты, они громко кричали и бежали прямо на нас, так же, как и настоящие повстанцы, совсем не обращая внимание на то, что мы куда лучше вооружены и превосходим их силой. Они бежали под дула наших плазмометов, прямо на смерть.

Мы открыли стрельбу. Я не присоединился, шарил прицелом по крышам, убеждаясь, что на нас не нападут оттуда, откуда мы не ждем.

В окошко прицела мне мельком попался Артур. Он вцепился в свою плазму так, словно это был спасательный круг, кинутый в воду тонущему. Артур не стрелял. Один из борзых подобрался к нему и, не встречая сопротивления, опустил Артуру на голову пустую бутылку. Опустил без колебаний, ведь, как говорил Бабник, если дуло оружия смотрит на тебя, то, значит, человек, держащий его, — твой враг.

Сбоку послышался громкий рев, и через несколько мгновений перед нами появились настоящие ополченцы — вооруженные, решительные, злые. Вот это уже был враг, которого я узнавал. Стрелять в них было куда проще, чем по мальчишкам с кирпичами в руках.

Бой ширился, переходил на соседние улицы, растекался по городу. Выждав момент, я спрыгнул с крыши грузовика, перебрался на крышу дома, с нее — на соседнюю, и побежал дальше, выискивая лучшую точку для обзора.

Я заметил их в узком переулке; Дурачок, прижавшись к стене, осторожно выглядывал из-за угла. Одной рукой он держал за руку Дурочку, другой — обломок арматуры. Сверху мне было хорошо видно, откуда на них катится бой — и как скоро он их настигнет.

— Налево, — крикнул я, подбегая к самому краю крыши. — Бегите налево!

Дурачки взглянули на меня с удивлением. Я знал их, я жил их жизнью вот уже несколько недель — но вот они меня совсем не знали.

— Да быстрее же! — прикрикнул я и спрыгнул на землю рядом с ними.

Дурачки взялись за руки и решительно выскочили из переулка.

Они пробежали не больше десятка шагов, когда шальная пуля прошила Дурачку бедро, и он упал на землю. Девушка вскрикнула, упала рядом, накрыла его рассыпавшимися волосами.

— Что ты делаешь, дурочка? — прохрипел парень. — Беги! Беги, тебе говорю!

— Да куда ж я без тебя? — заплакала девушка, пытаясь дрожащими ладонями зажать рану. Кровь билась толчками, текла сквозь пальцы.

Из-за угла полуразрушенной школы появились наши.

— Снайпер, снайпер! — услышал я голос сержанта у себя в наушнике. — Разуй глаза! Враг рядом! Открывай огонь!

Я растерянно оглянулся. Я не видел рядом врагов.

— Она вооружена! — снова ожил мой наушник. Я снова оглянулся и увидел, что Дурочка поднялась и встала над Дурачком, сжимая в тонких руках бесполезный обломок арматуры. Всякому было ясно, что реального вреда она никому причинить не сможет. А мне было ясно, что она прежде умрет, чем позволит кому-то подойти к потерявшему сознание Дурачку.

Я стоял на линии огня, и сержант, должно быть, решил, что у меня сломался наушник, потому что закричал уже вслух:

— Враг вооружен! Открывай огонь! Это приказ!

Тут воздух разорвал гул налетевших откуда ни возьмись бомбардировщиков, над головой засвистело. Я бросился ничком на землю.

Взрыв прозвучал совсем рядом, засыпал песком и крошевом кирпичей, оглушил.

Когда я поднялся, в ушах звенело, кружилась голова. В неохотно рассеивающейся пелене дыма я видел сержанта, медленно, очень медленно, словно в толще воды, поднимающего плазму.

Дуло двигалось в мою сторону, но тут я увидел оглушенную Дурочку, которая по-прежнему стояла над Дурачком, с обломком арматуры в руках. И сразу понял, в кого целил сержант.

Казалось, звон в ушах заполнил весь мир. Рядом сверкали вспышки беззвучных взрывов, сыпались кирпичные дома, поднимались клубы дыма. Что-то кричал сержант — я видел, как раскрывается его рот, но не слышал слов.

Земля качалась под ногами, перед глазами плавали яркие пятна, и я уже не знал, кто я и где я. Я не знал, был ли я до войны носорылым или нет и есть ли у меня на самом деле младший брат Макс. Черт побери, было бы легче, если бы я реально был андроидом!

Летний пруд, затянутый ряской, старый надувной круг с потертыми полосами по бокам и беззубая улыбка Макса мозаикой рассыпáлись у меня перед глазами — так же, как татуировка женского лица на плече Бабника, текущая по руке Серфера кровь, падающий на землю Кит — да и весь остальной мир в придачу. Но одно в этом рушащемся мире я знал точно. Дурочку я убить не позволю. Никому.

Я кувырком перекатился вперед, сшиб Дурочку на землю, вскинул снайперку и прошептал: «Прости, сержант...»